

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар в Ред-Хуке

(The Horror at Red Hook)

В каждом из нас стремление к добру уживается со склонностью к злу, и, по моему глубокому убеждению, мы живем в мире, почти неведомом нам, изобилующем провалами, тенями и сумеречными созданиями. Неизвестно, вернется ли когда-нибудь человечество на путь эволюции, но нет сомнений, что изначальное зло до сих пор не изжито.

Артур Мейчен

I

Несколько недель тому назад внимание зевак, стоявших на углу одной из улиц Паскоуга, небольшой деревушки в Род-Айленде, привлекло необычное поведение высокого, крепко сложенного, вполне здорового вида человека. Он спускался с холма по дороге из Чепачета и поворачивал на главную улицу в сторону центрального квартала, образуемого несколькими ничем не примечательными кирпичными строениями, главным образом лавками и складами, которые делали поселок подобием городка. Именно в этом месте, без всякой видимой причины, незнакомец позволил себе странную выходку: он замер, пристально всматриваясь в самое высокое из зданий перед собой, а затем, издав серию пронзительных, истерических вскриков, бросился бежать, но на ближайшем перекрестке споткнулся и упал. Когда заботливые прохожие помогли ему подняться на ноги и отряхнуть от пыли костюм, оказалось, что он в здравом рассудке, ничего не переломал и полностью оправился от нервного срыва. Смущенно пробормотав извинения за неадекватное поведение, ссылаясь на пережитый стресс, незнакомец повернулся и, ни разу не оглянувшись, ушел обратно по чепачетской дороге. Подобного рода происшествие с таким крупным, сильным и вполне здорового вида мужчиной, каким был этот пострадавший, казалось странным, и удивление наблюдавших за ним ничуть не уменьшилось от того, что один из свидетелей этого происшествия сказал, что узнал в нем постояльца известного в округе молочника из предместья Чепачет.

Этим человеком был, как выяснилось потом, нью-йоркский детектив Томас Ф. Мелоун, находящийся в длительном отпуске по состоянию здоровья, перетрудившись от непомерного объема работы во время расследования одного дела, которому ужасный несчастный случай придал трагическое завершение. Во время рейда, в котором он принимал участие, обрушились несколько старых кирпичных домов и под обломками погибли как задержанные, так и несколько сослуживцев Мелоуна, и это глубоко потрясло детектива. С тех пор вид зданий, хотя бы отдаленно напоминающих обрушившиеся, вызывает у него ужас, поэтому специалисты по умственным расстройствам запретили ему на неопределенный срок находиться в городе. Полицейский врач, у которого родственники жили в Чепачете, небольшом поселке, состоящем из двух десятков домов в колониальном стиле, предложил ему этот сельский уголок в качестве места для

исцеления душевных ран; туда и отправился наш страдалец, пообещав держаться подальше от главных улиц более крупных поселений до особого на то позволения врача из Вунсокета, под наблюдение которого он поступал. Эта прогулка в Паскоуг за журналами была явной ошибкой, за которую несчастный пациент поплатился испугом, синяками и стыдом.

Вот все, что было известно по сплетням в Чепачете и Паскоуге; примерно столько же знали и занимавшиеся Мелоуном весьма образованные специалисты. Последним, впрочем, детектив пытался рассказать значительно больше, но не сделал этого из-за откровенного недоверия, с которым воспринимались его слова. Тогда он решил не тратить лишних нервов и ни единым словом не выразил несогласия с вердиктом, что его психическое равновесие пошатнулось из-за внезапного обвала нескольких дряхлых кирпичных домов в бруклинском Ред-Хуке и случившейся в результате этого гибели отважных блюстителей закона. Он затратил чрезмерно много усилий, сказали ему, пытаясь справиться с этим рассадником преступности и порока – и действительно, там творились жуткие дела, – а внезапная трагедия оказалась последней каплей. Это было простое объяснение, доступное каждому, и поскольку Мелоун был отнюдь не прост, он решил, что лучше будет им ограничиться. Намекать лишенным воображения людям на существование ужаса, превосходящего человеческие представления, – ужаса, проникающего к нам из более древних миров и поражающего, как проказа, дома, кварталы, а то и города, – означало вместо оздоровительного отдыха в деревне отправиться в обитую войлоком палату психиатрической лечебницы; но Мелоун был благоразумным человеком, если не принимать во внимание некоторую склонность к мистицизму. Он обладал кельтским видением страшных и потаенных сторон бытия, но при этом имел присущую логикам способность подмечать сомнительные взаимосвязи; именно это сочетание и послужило причиной того, что в свои сорок два года он оказался далеко от родного дома и занялся необычным делом для выпускника Дублинского университета, появившегося на свет в георгианском особняке возле Феникс-парка.

Так что сейчас, пробегая мысленно по тому, что ему довелось видеть, слышать или о чем удалось догадаться, Мелоун был даже доволен, что остался единственным хранителем тайны, способной превратить бесстрашного бойца во вздрагивающего от каждого шороха невротика, – способной превратить старые кирпичные трущобы и множество смуглых, неотличимых друг от друга лиц в ночной кошмар и жуткое воспоминание. Уже не в первый раз Мелоун скрывал истинные мотивы своих действий – ибо разве не считали знавшие детектива люди его добровольное погружение в многоязычную бездну нью-йоркского дна чудачеством, не поддающимся разумному объяснению? Но разве мог он поведать заурядным горожанам о древних колдовских обрядах и омерзительных культах, следы которых его чуткий взор углядел в этом бурлящем котле вековой нечисти, куда самые подонки минувших развращенных эпох влили свою долю отравы и гнусного ужаса? Он видел отсветы зеленоватого адского пламени во всей этой мешанине, пронизанной алчностью и крайним богохульством, и лишь едва заметно улыбался знакомым ньюйоркцам на насмешки над его нововведениями в полицейскую практику. Высмеивая его фантастическую погоню за призраками и непостижимыми загадками, они остроумно и цинично заверяли, что в наше время в Нью-Йорке и нет ничего помимо примитивности и пошлости. Один из его

приятелей даже готов был спорить на крупную сумму, что как бы ни нахваливало его «Дублин Ревю», детективу не удастся написать по-настоящему интересный рассказ о жизни нью-йоркских трущоб, и сейчас, вспоминая об этом, Мелоун не мог не удивляться иронии мироздания, обратившего слова насмешливого пророка в явь, хотя и вразрез с их изначальным смыслом. Ужас, навсегда отпечатавшийся в его сознании, не мог быть описан, потому что, наподобие упомянутой Эдгаром По книги, «es lässt sich nicht lesen – не позволяет себя прочесть».

II

Мелоун во всем ощущал скрытые тайны бытия. В юности он во всем находил скрытую красоту и высший смысл, что служило ему источником поэтического вдохновения, но нужда, страдания и скитания вынудили его обратить взор в другую сторону, и сейчас он с ужасом находил многообразие ликов зла в окружающем его мире. Его повседневная жизнь превратилась в фантазмагорический театр теней, в котором он с интересом взирал то на скрытый порок в духе лучших работ Бердслея, то на угадывающийся за самыми невинными формами и предметами ужас в духе наиболее изощренных гравюр Гюстава Доре. Он не раз подмечал, что насмешливое отношение людей высшего интеллекта ко всякого рода сокровенным знаниям – это благо для остального человечества, ибо приложение высшего разума к тайнам древних и современных культов способно угрожать не только нашему миру, но, возможно, и целостности Вселенной. Безусловная мрачность всех подобных рассуждений в Мелоуне компенсировалась здравым смыслом и тонким чувством юмора. Его вполне устраивало, чтобы эти полуразгаданные тайны оставались лишь объектом абстрактных умозаключений; но когда выполнение служебного долга привело его к столкновению со слишком неожиданным и ужасающим откровением, этот баланс нарушился и случился нервный срыв.

Расследование в Ред-Хуке впервые привлекло внимание детектива, когда он оказался временно командирован в полицейский участок на Батлер-стрит в Бруклине. Ред-Хук – это лабиринт из на редкость убогих строений на месте старых портовых кварталов напротив Губернаторского острова, который прорезают несколько опасных для посещения улиц, берущих начало от доков и уходящих вверх по холму, чтобы в итоге соединиться с некогда процветающими, а ныне трущобными Клинтон-стрит и Корт-стрит, ведущими далее в сторону Боро-Холл. Здесь преобладают кирпичные здания, построенные между первой четвертью и серединой прошлого столетия, и некоторые наиболее темные улочки и переулки до сих пор сохраняют своеобразный мрачный колорит того времени, в литературной традиции называющийся «диккенсовским». Состав населения Ред-Хука – загадка и неразрешимая головоломка для многих поколений статистиков: постоянно враждующие между собой группы сирийцев, испанцев, итальянцев и негров разделены прослойками скандинавов и коренных американцев. Вавилонское столпотворение языков и всяческих подонков, из которого порой вырываются весьма странные крики, и вплетающиеся в плеск покрытых мазутной пленкой волн о мрачные причалы и чудовищную органную литанию пароходных гудков. Однако в давние времена Ред-Хука картина была совсем иной: на улицах возле причала жили честные трудяги-моряки, а выше, на склоне холма, располагались особняки более

состоятельных хозяев. Следы бывшего благополучия можно увидеть в основательной архитектуре старых домов и в красоте некоторых церквей, а также в некоторых разбросанных по всему району мелких свидетельствах: роскошные лестничные пролеты, покосившиеся, а то и сорванные с петель величественные двери, изъеденные червями декоративные пилястры, сложного профиля двери в подъездах или безжалостно вытоптанное лужайки с поваленным ржавым ограждением. Дома обычно стоят кучками, а окна-фонари некоторых домов напоминают о временах, когда домочадцы капитанов и судовладельцев высматривали в море их корабли.

Из этой морально и физически разлагающейся клоаки к небу возносятся самые изошренные проклятия на сотне языков и диалектов. По улицам бродят толпы подозрительного вида бродяг, запевающих и бранящихся на все лады, и если забредает кто-то посторонний, то какие-то руки задергивают шторы и гасят за ними свет, а за плотными занавесками торопливо скрываются лица, отмеченные печатью порока. Полиция давно уже отчаялась навести порядок и лишь старается оградить внешний мир от этой заразы. При появлении на улицах патруля воцаряется мрачное, напряженное молчание, а задержанные в Ред-Хуке преступники не дают никаких показаний. Состав преступлений по своей пестроте не уступает этническому, начиная от контрабанды рома и нелегального проживания иностранцев и заканчивая зверскими убийствами и разбойными нападениями. И если формально уровень преступности в Ред-Хуке не выше, чем в примыкающих районах, то это заслуга не полиции, а той ловкости, с какой здесь умеют обстряпывать грязные дела. Достаточно заметить, что далеко не все люди, попадающие в Ред-Хук, возвращаются обратно по суше, и больше шансов вернуться – у тех, кто умеет держать язык за зубами.

В такой вот сложившейся ситуации Мелоун уловил признаки некой тщательно оберегаемой, ужасной тайны, несравненно хуже любого из тех грехов, которые осуждают добропорядочные граждане и столь охотно бросаются исцелять священники и филантропы. Он хорошо сознавал, совмещая в себе пылкое воображение со строгим научным подходом, что современный человек в условиях беззакония неумолимо скатывается к тому, что в своей повседневной и религиозной практике начинает руководствоваться не разумом, а темными, полуживотными инстинктами; поэтому с интересом антрополога наблюдал за горланящими и сыплющими ругательствами группками молодых людей с обезображенными оспинами лицами и одурманенными глазами, попадавшимися ему в предрассветные часы на замусоренных улицах Ред-Хука, хотя и вздрагивал всякий раз от отвращения. Они были здесь повсюду: то приставали к прохожим на перекрестках, то наигрывали на примитивных музыкальных инструментах в дверях домов, то одурманенно дремали и ругались за столиками кафетериев в Боро-Холл, а то заговорщицки шептались возле побитого такси, припаркованного у парадного подъезда полуразвалившегося дома с заколоченными окнами. Они вызывали у Мелоуна значительно больший интерес, чем он готов был признаться своим товарищам по службе, ибо за ними скрывалась какая-то чудовищная сила, ведущая свое начало из неведомых глубин времени, нечто непостижимое и бесконечно древнее, в своих проявлениях не имеющее ничего общего с бесконечным списком деяний, примет и притонов преступного мира, с таким тщанием составляемым полицией. Он испытывал внутреннюю убежденность, что эти молодые подонки – носители какой-то жуткой

доисторической сущности, хранители разрозненных обломков культов и обрядов, более древних, чем само человечество. Слишком уж согласованными и продуманными оказывались их действия, и слишком уж строгий порядок чувствовался за их внешней распушенностью и неряшливостью. Мелоун не стал бы попусту тратить время на чтение книжонок типа «Культ ведьм Западной Европы» мисс Мюррей; он знал, что и поныне среди крестьян и суеверных простолюдинов сохранился древний обычай устраивать нечестивые тайные сборища и оргии, восходящий к темным религиозным культам доарийского периода и упоминающийся просторечно как «черная месса» или «шабаш ведьм». Он нисколько не сомневался, что зловещие порождения турано-азиатской магии и культов плодородия дожили до наших дней, и лишь иногда с содроганием задумывался, насколько же древнее и ужаснее они своих самых древних и самых ужасных описаний.

III

В гуще событий в Ред-Хуке Мелоун оказался из-за дела Роберта Суидема. Этот высокообразованный потомок древнего голландского рода получил наследство, позволявшее жить праздну, и с тех пор проживал отшельником в просторном, но уже пострадавшем от времени особняке, построенном его дедом во Флэтбуше во времена, когда эта деревушка представляла собой живописную группу особняков в колониальном стиле, окружающих увенчанную шпилем и увитую плющом реформатскую церковь с небольшим нидерландским кладбищем. Суидем провел в этом отдельно стоящем здании в глубине Мартенсе-стрит, в окружении почтенного возраста деревьев, за книгами и размышлениями без малого шестьдесят лет и отлучался лишь однажды, лет тридцать назад, отплыв к берегам Старого Света, где пребывал целых восемь лет. Прислуги у него не было, и он мало кому позволял нарушать свое добровольное затворничество; связей со старыми друзьями не поддерживал, а редких визитеров принимал в одной из тех трех комнат первого этажа, которые поддерживал в относительном порядке – просторной, с высоким потолком, заставленной по стенам стеллажами от пола до потолка, на которых были навалены кипы пухлых, замшелых от древности и отталкивающих с виду томов. Расширение границ города и последующее поглощение Флэтбуша районом Бруклин прошло для Суидема незамеченным, да и город замечал его все меньше и меньше. Если пожилые обитатели квартала при редких встречах на улице узнавали его, то для молодого поколения он был всего лишь толстым старикашкой, чей забавный облик – неопрятная седая шевелюра, всклокоченная бородка, лоснящийся черный костюм и старомодная трость с позолоченным набалдашником – заслуживал лишь мимолетного удивленного взгляда. Пока этого не потребовалось по службе, Мелоуну не доводилось встречаться с ним лично, однако он не раз слышал о голландце как о крупнейшем авторитете в области средневекового оккультизма и даже как-то собирался изучить написанную им брошюру о влиянии Каббалы на легенду о докторе Фаусте, которую один из друзей детектива часто цитировал наизусть.

Дело Суидема началось с того, как какие-то его отдаленные и чуть ли не единственные родственники потребовали вынесения судебного решения о его невменяемости. Требование это со стороны могло бы показаться неожиданным, но стало результатом длительных наблюдений и горестных обсуждений. Основанием для него послужили

высказывания и поступки почтенного патриарха: странные упоминания о каких-то чудесных переменах, которые вот-вот должны явиться миру, и недостойное пристрастие к подозрительным бруклинским притонам. С годами он все меньше уделял внимания своему внешнему виду, и теперь его вполне можно было принять за нищего, а друзья не раз с ужасом замечали его на станции подземки или на скамейке возле Боро-Холл беседующим с какими-то подозрительными темнокожими. Речь его стала малопонятной, он говорил о неограниченной силе, которой скоро будет наделен, и через слово вставлял мистические понятия и имена, такие как «Сефирот», «Асмодей» или «Самаэль». В ходе судопроизводства было установлено, что почти весь свой годовой доход как рантье Суидем тратил на приобретение старинных фолиантов, которые ему доставляли из Лондона и Парижа, и на содержание убогой квартиры в цокольном этаже одного из домов в Ред-Хуке, где он чуть ли не каждый вечер встречался со странными делегациями, состоящими из всяких подозрительных личностей и иностранцев, и проводил там за наглухо зашторенными окнами какие-то обряды. Следившие за ним частные детективы сообщали о странных воплях и песнопениях, а также, судя по звукам, обрядовых плясках, происходивших на этих ночных сборищах, и удивлялись экстазу и разнузданности на них, необычных даже для такого привычного к оргиям района, как Ред-Хук. Однако на судебном слушании Суидему удалось отстоять свою свободу. В зале суда он продемонстрировал изящные манеры, ясную, убедительную речь и без труда разъяснил странности своего поведения и необычность высказываний глубокой погруженностью в своеобразное научное исследование. Он утверждал, что в последнее время занимается исследованием некоторых аспектов европейской культуры, для чего требуется тесное общение с различными группами иностранцев, а также непосредственное ознакомление с народными песнями и танцами. Что же до нелепого предположения, что на его деньги содержится некое примитивное тайное общество, – оно лишь показывает, с каким ему приходится сталкиваться отношением к нему и его исследованиям. Благодаря этим спокойным и обстоятельным объяснениям вердикт суда оказался в его пользу, и он удалился с гордостью и достоинством, чего нельзя было сказать о пристыженных частных детективах, нанятых Суидемами, Корлеарами и Ван Брунтами.

Вот тогда-то к делу и подключились федеральные агенты и полицейские детективы, в числе которых оказался Мелуун. Органы правопорядка присматривались к деятельности Суидема со все возрастающим интересом и уже не раз приходили на помощь частным детективам. В результате такого сотрудничества было установлено, что новые знакомые Суидема относятся к числу самых отъявленных и закоренелых преступников темных закоулков Ред-Хука и что по меньшей мере треть из них неоднократно привлекались за воровство, хулиганство и ввоз нелегальных эмигрантов. Пожалуй, не будет сильным преувеличением сказать, что круг лиц, в котором ныне вращался пожилой ученый, включал в себя одну из самых опасных преступных группировок, промышлявшую контрабандой живого товара, в основном безродных азиатских иммигрантов, которых благоразумно заворачивали назад на Эллис-Айленде. В перенаселенных трущобах квартала, в те времена называвшегося Паркер-Плейс, где располагались полуподвальные апартаменты Суидема, образовалась весьма необычная колония никому неведомого узкоглазого народа, использующего арабский алфавит, родство с которым отрицалось всеми сирийцами, проживавшими на Атлантик-авеню и соседних

улицах. Вероятно, что всех их следовало бы депортировать ввиду отсутствия удостоверений личности, но машина исполнительной власти прокручивается медленно и старается не тревожить лишней раз Ред-Хук, если к тому не принуждает общественное мнение.

Все эти странные личности устраивали собрания в полуразвалившейся каменной церкви, по средам используемой в качестве танцевального зала, готические контрфорсы которой украшали самую отвратительную часть портового квартала. Номинально она считалась католической, но все бруклинские священники единогласно отрицали ее принадлежность к христианству, что подтверждали и сотрудники полиции, дежурившие в этом районе по ночам и не раз слышавшие доносившиеся из ее недр странные звуки. Мелоуну, когда он стоял возле этой церкви, пустой и неосвещенной, показалось, что он слышит зловещие басовые ноты установленного в каком-то тайном подземном помещении расстроенного органа, другие же докладывали о жутких воплях и барабанном бое, сопровождающем таинственные службы. Давая по этому поводу пояснения в суде, Суидем заявил, что, по его мнению, эти не совсем обычные ритуалы представляют собой обряды несторианской церкви с примесью тибетского шаманства. Он полагал, что большинство участников этих сборищ относились к монголоидной расе и происходят из Курдистана и ближайших окрестностей – и Мелоун не мог не вспомнить, что Курдистан – место обитания йезидов, последних уцелевших персидских дьяволопоклонников. Как бы там ни было, в ходе расследования дела Суидема оказалось установлено, что волна нелегальных иммигрантов захлестнула Ред-Хук; при активном содействии контрабандистов и по недосмотру таможенников и портовой полиции они уже заселили Паркер-Плейс и заселяют кварталы выше, поскольку вновь прибывшим азиатам помогают их уже успевшие обжиться в новых условиях собратья. Довольно характерные узкоглазые физиономии и приземистые фигуры, на которых современные американские наряды смотрелись гротесково, все чаще попадались в полицейских участках среди взятых с поличным на Боро-Холл воришек и налетчиков; и наконец было решено произвести их перепись, установить, откуда они прибывают и чем занимаются, и передать все это в ведение иммиграционных властей. Федеральная и городская полиция совместно поручили это дело Мелоуну, и вот тогда-то, начав изучение Ред-Хука, он почувствовал, что покачивается на краю бездны, имя которой – ужас, а противостоит ему неопытный, жалкий на вид Роберт Суидем.

IV

Методы работы полиции хитроумны и разнообразны. Мелоун, со скучающим видом бродя по улицам, через ненавязчивые беседы во время прогулки при «случайной» встрече, благодаря своевременно извлеченной из заднего кармана фляжке с крепким спиртным, а иногда и при суровом допросе перепуганного задержанного полицией узнал немало разрозненных фактов об организации, выглядящей все более угрожающей. Иммигранты оказались действительно курдами, однако говорили на неведомом современной лингвистике диалекте. Те немногие из них, что зарабатывали на пропитание честным трудом, в основном работали на подхвате в доках или торговцами всякой мелочью без лицензии, хотя их можно было увидеть и за плитой греческого ресторанчика, и в газетном киоске. Но большинство из них не имели никакой работы и

очевидным образом были связаны с преступным миром; самыми безобидными из их занятий были контрабанда и бутлегерство. Все эмигранты прибывали на пароходах, трамповых сухогрузах и безлунными ночами втихую переправлялись на шлюпках к какой-то пристани, от которой потайной канал вел в небольшое подземное озеро, расположенное под каким-то из домов. Мелоуну не удавалось узнать, что это были за пристань, канал и дом, поскольку у всех его собеседников сохранились лишь смутные воспоминания о своем прибытии, к тому же они излагали их на таком наречии, что даже лучшим переводчикам не всё удавалось интерпретировать. Непонятной оставалась и цель их прибытия сюда. На любые вопросы относительно их прежнего места обитания и об агентстве, предложившем им отправиться в плавание за океан, ответом было молчание. Однако стоило поинтересоваться, что же побудило их переселиться сюда, на лицах появлялось выражение неприкрытого ужаса. Такими же неразговорчивыми оказались и гангстеры других национальностей, и все, что удалось в конце концов узнать об этом, было смутными упоминаниями, что какой-то бог или великий жрец пообещал неслыханное могущество, сверхъестественные возможности и власть в чужой стране.

И вновь прибывшие иммигранты, и бывалые бандиты продолжали регулярно принимать участие в тщательно охраняемых ночных сборищах Суидема, а вскоре полиция узнала, что бывший отшельник арендовал еще несколько квартир, где можно было переночевать, если знаешь пароль; в совокупности эти жилища занимали целых три дома и служили пристанищем для странных друзей Суидема. В своем особняке во Флэтбуше он появлялся редко, в основном лишь затем, чтобы взять или положить обратно какую-нибудь книгу, а внешний облик старого голландца постепенно становился еще более диким. Мелоун дважды пытался поговорить с ним, но оба раза разговор заканчивался резким требованием убраться восвояси. Суидем утверждал, что ничего не знает ни о каких заговорах и организациях; понятия не имеет, откуда в Ред-Хуке берутся курды и зачем они здесь. Он занимается исключительно изучением в по возможности наиболее подходящей обстановке фольклора всех иммигрантов в этом районе, и к этой деятельности у полиции нет никаких претензий. Мелоун попытался польстить Суидему, отозвавшись с восхищением о его брошюре, посвященной Каббале и древним европейским мифам, но старик смягчился совсем ненадолго. Сами расспросы ему не нравились, и он недвусмысленно намекнул гостю, чтобы тот убирался куда подальше. Мелоун покинул его чрезвычайно раздраженный и решил обратиться к иным источникам информации.

Что удалось бы раскопать Мелоуну, если бы его работу над этим делом не прервали, теперь остается только догадываться. Случилось так, что глупый конфликт между городской и федеральной властью приостановил расследование на долгие месяцы, и Мелоун оказался занят другими делами. Но он не терял интереса к этому делу, и потому тоже был удивлен происходящей с Робертом Суидемом переменой. Как раз тогда, когда весь Нью-Йорк был взбудоражен прокатившейся по городу волной похищений детей и таинственных исчезновений, с неопытным ученым произошла загадочная и удивительная метаморфоза. Однажды он был замечен возле Боро-Холл с чисто выбритым лицом, аккуратно подстриженными волосами и в безупречно подобранном костюме, и с тех пор с каждым днем он демонстрировал все большую утонченность вкуса. Вскоре у него появилась живость в глазах, речь стала более светской, он начал терять

портивший его фигуру лишний вес. Обретя снова пружинистость походки, жизнерадостность манер и, как ни удивительно, более темный цвет волос, явно без использования красителей, он стал выглядеть гораздо моложе своих лет. Одеваться он стал все менее консервативно и наконец просто сразил своих друзей тем, что отремонтировал и украсил свой особняк во Флэтбуше, а затем устроил серию приемов, приглашая на них всех, кого смог припомнить, проявляя особое внимание к своим полностью прощенным родственникам, не так давно пытавшимся объявить его недееспособным. Некоторые из гостей появились на приемах из любопытства, другие из чувства долга, но любезность и учтивость бывшего отшельника очаровала и тех, и других. Он заявил, что почти закончил работу всей своей жизни и недавно получил наследство от почти забытого друга из Европы, поэтому собирается провести остаток своих дней как более яркую вторую молодость, ставшую возможной благодаря материальному благополучию, тщательному уходу за собой и диете. Его все реже видели в Ред-Хуке и все чаще в том обществе, для которого он был предназначен от рождения. Полицейские отметили, что бандиты, ранее собиравшиеся в полуподвальном помещении на Паркер-Плейс, теперь устраивают сборища в старой каменной церкви, используемой иногда в качестве танцевального зала, но и старый адрес не совсем забыт: там и в ближайших домах по-прежнему бурлит всяческая нечистая деятельность.

Затем случились два вроде бы ничем не связанных между собой, но очень важных с точки зрения Мелоуна события. Первое – формальное объявление в «Игл» о помолвке Роберта Суидема и проживающей в Бейсайде мисс Корнелии Герритсен, дальней родственницы новоиспеченного жениха, молодой дамы, возвращающейся в самых высших слоях общества; второе – полицейский рейд в старую церковь, служившую танцевальным залом, после того как кто-то сообщил, что видел в одном из полуподвальных окон здания лицо похищенного ребенка. Мелоун, принимавший участие в этом рейде, воспользовался случаем и внимательно изучил внутреннюю обстановку церкви. Найти ничего не удалось – более того, в здании вообще никого не оказалось, – но обостренное эстетическое восприятие кельта не могло не среагировать на некоторые довольно подозрительные, крайне неуместные в церкви вещи. Его покоробили грубые росписи на панно на стенах – на этих панно у лиц святых были такие мирские и сардонические выражения, что, пожалуй, не понравились бы любому мирянину. Да и греческая надпись на стене над кафедрой проповедника вызывала в нем не самые приятные ассоциации – это было древнее колдовское заклинание, попадавшееся ему еще в те времена, когда он учился в дублинском колледже, означавшее в буквальном переводе следующее:

«О друг и товарищ ночи, ты, восторгающийся собачьим лаем и льющейся кровью, крадущийся в тени надгробий, забирающий кровь и приносящий смертным ужас, Горго, Мормо, тысячеликая луна, обрати благосклонный взгляд на наши скромные подношения!»

Прочитав эту надпись, он вздрогнул и вспомнил звуки расстроенного органа, доносившиеся по ночам откуда-то из-под этой церкви. Он вздрогнул еще раз, когда, обследуя алтарь, он обнаружил металлическую чашу, по краю которой проходила темная, похожая на ржавчину полоска, и в этот момент ему в нос ударила удушливая волна смрада, налетевшая невесть откуда, из-за чего он на несколько секунд застыл на

месте от ужаса и отвращения. Память о звуках органа не давала Мелоуну покоя, и он внимательно осмотрел все подвальные помещения, но так ничего и не нашел. Это место казалось ему крайне неприятным, но ведь, в конце концов, богохульные панно и надпись – всего лишь грубые творения невежд.

Ко времени свадьбы Суидема похищения детей стали настоящей эпидемией и постоянной темой первых газетных полос. Почти все жертвы этих странных преступлений были из беднейших семей, но все возрастающее число исчезновений вызвало у общественности сильнейшую ярость. Газетные заголовки призывали полицию к решительным действиям, и с полицейского участка на Батлер-стрит снова устроили рейд в Ред-Хук для поиска возможных улик и поимки потенциальных преступников. Мелоун обрадовался возможности вернуться к прежнему делу и с готовностью поучаствовал в осмотре одного из домов Суидема на Паркер-Плейс. Похищенных детей там, конечно, не нашли, несмотря на сообщения о доносившихся из дома криках и найденном на заднем дворе маленьком шарфике; но грубая роспись и надписи на облупившихся стенах почти во всех комнатах, а также примитивная химическая лаборатория в мансарде утвердили Мелоуна во мнении, что он на пути к какой-то важной тайне. Мазня на стенах была устрашающего вида – самые разнообразные чудовища и неопишуемые пародии на человеческие тела. Многочисленные надписи были нанесены чем-то красным и представляли собою смесь арабских, греческих, латинских и древнееврейских букв. Мелоун не смог толком разобраться ни в одной из надписей, но то, что уловил, было зловеще каббалистическим. Несколько раз повторявшаяся надпись, смесь греческого и древнегреческого, представляла собой самое страшное взывание к демонам времен упадка Александрии:

«HEL HELOYM SOTHER EMMANVEL SABAOTH AGLA TETRAGRAMMATON AGYROS OTHEOS ISCHYROS ATHANATOS IENOVA VA ADONAI SADAY HOMOVSION MESSIAS ESCHEREHEYE».

Круги и пентаграммы, встречавшиеся здесь повсеместно, недвусмысленно указывали, кому поклоняются обитатели этого запущенного жилища. В подвале этого дома полицейские обнаружили нечто совершенно невообразимое: груды самых настоящих золотых слитков, небрежно накрытую куском мешковины, блестящую поверхность которых украшали такие же загадочные надписи, что были на стенах. Во время этого рейда полиции не пришлось столкнуться со сколько-нибудь заметным сопротивлением: узкоглазые азиаты, которых оказалось здесь неисчислимое количество, толпились у каждой двери, но вели себя довольно пассивно. Не найдя никаких интересовавших ее улик, полиция ничего не изъяла и никого не задержала, но отвечающий за эту территорию капитан послал позднее записку Суидему, в которой рекомендовал ему быть более разборчивым в отношении своих жильцов и протее ввиду нарастающего протеста общественности.

V

В июне случилась свадьба и великая сенсация. Через час после полудня Флэтбуш блистал праздничным убранством, а улицы возле старой голландской церкви были заполнены роскошными автомобилями, украшенными флажками. Никакое другое местное событие не могло затмить бракосочетание Суидема и Герритсен ни по величию,

ни по размаху, и гости, сопровождавшие новобрачных к пристани «Кунарда», если и не были сливками нью-йоркского светского общества, то по меньшей мере занимали в нем значимое положение. В пять часов дня, после прощального махания руками, тяжелый лайнер медленно отчалил от длинного пирса и, развернувшись носом на восток, двинулся в океан, к чудесам Старого Света. Вечером над нью-йоркской гаванью не было ни облачка, и пассажиры лайнера имели возможность полюбоваться на звезды над незагрязненным океаном.

Сейчас уже никто не сможет сказать, что первым нарушило спокойствие на судне: гудок догоняющего их сухогруза или жуткий вопль, донесшийся из одной из кают. Возможно, они прозвучали одновременно, но сейчас это уже совершенно не важно. Крик донесся из каюты Суидема; матрос, высадивший дверь этой каюты, вероятно, мог бы рассказать, какие ужасы там увидел, если бы не сошел немедленно с ума и вопил после этого громче, чем первые жертвы, а потом носился по палубе, пока его не поймали и не приковали. Корабельный врач, вошедший в каюту минутой позже и включивший свет, не сошел с ума, но никому не рассказывал об увиденном до того момента, как отправил отчет об этом происшествии Мелоуну в Чепачет. В каюте, без сомнения, произошло убийство, однако несомненно, что к нему не был причастен ни один человек, о чем свидетельствовали глубокие следы когтей на шее миссис Суидем, которые не могли быть оставлены рукой ее супруга, да и вообще никакой человеческой рукой. На белой стене каюты некоторое время мигала кроваво-красная надпись, восстановленная впоследствии доктором по памяти, представлявшая собой записанное халдейскими буквами слово «ЛИЛИТ». Умолчать о надписи было просто: через несколько минут она пропала без следа; что же касается самих жертв, врач поспешил запереть каюту с намерением никого туда не впускать. Описывая впоследствии эти события, доктор особо отметил Мелоуну, что не видел ЭТО. Иллюминатор каюты был открыт, и за секунду до того, как доктор включил свет, он заметил в нем какое-то фосфоресцирующее свечение, сопровождавшееся, казалось, отголоском дьявольского глумливого смешка, но ничего более определенного не увидел. Доказательство этому, как утверждал доктор, – то, что он не спятил.

Несколько минут спустя все внимание оказалось обращено на подошедший вплотную сухогруз. С него была спущена шлюпка, и вскоре толпа темнокожих и наглых бандитов, облаченных в потрепанную форму моряков, забралась на борт лайнера компании «Кунард». Вновь прибывшие тут же потребовали выдать им Суидема или его тело – они знали, что он отправился в путешествие, и по какой-то причине были уверены, что он умрет. На капитанском мостике в этот момент было полное смятение; два таких события, как доклад перепуганного доктора об увиденном им в каюте и последовавшее тут же дикое требование наглых грубиянов, могли поставить в тупик и мудрейшего из мудрецов. Видя нерешительность капитана, предводитель назойливых визитеров, араб с негроидными вывороченными губами, протянул ему грязный и помятый листок бумаги. В записке, подписанной Робертом Суидемом, содержалось следующее загадочное сообщение:

«При внезапном или необъяснимом несчастном случае или смерти с моей стороны прошу беспрекословно передать меня или мое тело подателю сего и сопровождающим

его лицам. От выполнения этого требования полностью зависит моя, а может быть, и ваша дальнейшая судьба. Все объяснения будут даны позже, а пока прошу лишь исполнить мою волю!

Роберт Суидем».

Капитан и доктор обменялись взглядами, и последний что-то прошептал ему на ухо. После чего оба беспомощно пожали плечами и повели непрошенных гостей к каюте Суидема. Отпирая дверь каюты, доктор посоветовал капитану не заглядывать внутрь и сам свободно вздохнул только после того, как все эти странные моряки, после необъяснимо долгого периода подготовки, двинулись наружу, унося на плечах плотно завернутое в простыню тело. Доктор порадовался, что оно обвернуто так, что контуры не проступают и что им хватило ловкости не уронить его по дороге к ожидавшей их возле борта шлюпке. Лайнер «Кунард» взял прежний курс, а доктор с корабельным гробовщиком отправились в каюту Суидема, чтобы оказать последние услуги оставшейся там мертвой женщине. Снова врачу пришлось прибегнуть к сокрытию фактов и даже к прямой лжи, поскольку вскрылось еще одно ужасное обстоятельство. Когда гробовщик поинтересовался, для чего доктор выпустил всю до последней капли кровь из тела миссис Суидем, тот не признался, что не имел ни малейшего отношения к этому злодеянию, как и не стал обращать внимание своего спутника на пустые ячейки в стойке для бутылок и на резкий запах спиртного из слива умывальника, куда, несомненно, и было вылито их изначальное содержимое. Доктор припомнил, что карманы тех людей – если они вообще были людьми – по дороге обратно к шлюпке заметно оттопыривались. Два часа спустя на берег была отправлена радиограмма, извещающая мир о том, что ему полагалось знать об этой трагедии.

VI

В тот самый июньский вечер Мелоун, еще не знавший ничего о происшествии на судне, носился по охваченным возбуждением узким улочкам Ред-Хука. Район возбужденно бурлил, как будто «сарафанное радио» передало сигнал тревоги, местные жители собирались толпами возле старой церкви, служившей танцевальным залом, и зданий на Паркер-Плейс. Совсем недавно исчезли сразу три ребенка – дети голубоглазых норвежцев, населявших бруклинский район Гованус, и в толпе поползли слухи, что разъяренные викинги формируют ополчение. Мелоун уже несколько недель пытался убедить начальство в необходимости навести порядок в здешних местах, и наконец, под давлением обстоятельств, более убедительных для них, чем домыслы дублинского мечтателя, руководство городской полиции все-таки решилось на проведение общей облавы. Накаленная обстановка, сложившаяся в Ред-Хуке в тот вечер, ускорила события, и около полуночи сводный отряд из сотрудников трех близлежащих полицейских участков окружил Паркер-Плейс и прилегающие улицы. Полиция стучала в двери, задерживала всех подозрительных лиц, и освещаемые свечами комнаты исторгли невероятное количество иностранцев в диковинных одеждах, носящих митры и другие ритуальные костюмы. В общей суматохе очень много улик было утрачено, ибо арестованные успевали выбросить какие-то предметы в неожиданно обнаружившиеся колодцы, а запахи уничтожались поспешно примененными благовониями. Но повсюду

была разбрызгана кровь, и Мелоун содрогался от отвращения всякий раз, когда находили очередной алтарь с еще идущим от жаровни дымком.

Ему хотелось успеть сразу повсюду, но после того, как ему сообщили о том, что старинная церковь, служившая иногда танцевальным залом, пуста, он тут же направился к полуподвальной квартире Суидема на Паркер-Плейс. Он надеялся, что сможет найти там ключ, позволяющий проникнуть в самое сердце таинственного культа, центральной фигурой которого, теперь это уже не вызывало сомнений, был пожилой ученый-мистик. С таким предвкушением он рылся в сырых, затхлых комнатах, пролистывал диковинные древние книги, рассматривал странные приборы, золотые слитки и небрежно расставленные где попало пузырьки, закупоренные стеклянными пробками. Пока он занимался этим, под ногами у него начал виться тощий, черный с белыми пятнами кот, и Мелоун, споткнувшись, сбил стоявшую на полу мензурку с какой-то темно-красной жидкостью. Его это здорово напугало, он и по сей день не уверен, что именно увидел тогда; иногда он снова видит во сне, как кот, удирая, превращается на ходу в какое-то чудовище. Затем он наткнулся на запертую дверь подвала и принялся искать, чем бы ее выбить. Неподалеку нашелся тяжелый табурет, и ветхая дверь не устояла под ударами его основательного сиденья. По ней пошла трещина, а затем она рухнула вся целиком – но под давлением с другой стороны; оттуда дуло ледяным ветром, пропитанным зловонием ада; этот ветер обвинил парализованного страхом детектива ледяными кольцами и потянул через порог подвала вниз, в необъятное сумеречное пространство, наполненное шепотами, криками и взрывами глумливого смеха.

Конечно, ему это всего лишь привиделось. Так уверяли все врачи, и ему нечего было им возразить. Конечно, для него самого было бы лучше поверить им, тогда старые кирпичные трущобы и смуглые лица иностранцев не повергали бы его в такой ужас. Но в тот момент это было абсолютно реально, и никакая сила на свете не может вытравить из его памяти те мрачные подземные склепы, гигантские аркады и бесформенные тени адских тварей, беззвучно проходящих мимо, сжимая в когтях полуобглоданных, но все еще живых жертв, молящих о пощаде или издающих безумные смешки. Аромат благовоний смешивался с запахом гниения, и во мраке, пропитанном этим тошнотворным сочетанием, копошились бесформенные сущности, обладающие глазами. Где-то там темные маслянистые волны бились об ониковую пристань, и в какой-то момент в их мерный шум вплелся звонкий дребезг серебряных колокольчиков, приветствовавший голую и фосфоресцирующую тварь, которая, идиотски хихикая, выплыла из клубившегося над водой тумана, выбралась на берег и забралась на стоящий чуть поодаль резной золотой пьедестал, где и уселась на корточки, с ухмылкой поглядывая по сторонам.

Отсюда во все стороны расходились туннели крошечного мрака, так что вполне можно было предположить, что именно в этом месте пустила корень ужасная зараза, которая в определенный час расползется по всему свету и поглотит города и целые страны. Здесь укрепился космический грех, здесь он гноился благодаря нечестивым ритуалам, прорвался, как нарыв, готовясь возглавить процессию смерти, которая должна была обратить всех живущих на земле в гниющую плесень, недостойную захоронения. Здесь расположился вавилонский двор сатаны, и в непорочной детской крови омывала свои пораженные проказой ноги фосфоресцирующая Лилит. Выли инкубы и суккубы, вознося

хвалу Гекате, и блеяли в честь Великой Матери безголовые придурки. Козлы плясали под гнусавую мелодию флейт, а эгипяне, оседлав прыгавшие, словно огромные лягушки, валуны, гонялись за уродливыми фавнами. Конечно, не обошлось без Молоха и Астарты, ибо среди этой квинтэссенции всего проклятого границы человеческого сознания исчезали и взору представляли все ипостаси зла и все его запретные аспекты, когда-либо являвшиеся или прозревавшие на земле. Мир и сама Природа оказывались бессильны противостоят натиску порождений ночи, рвущихся из отворенного колодца, и ни крест, ни молитва не были способны обуздать вальпургиев разгул ужасов, начавшийся из-за того, что мудрецу с ключом довелось случайно встретиться с ордой, получившей в наследство от предков сундук, наполненный демонической премудростью.

Внезапно этих фантомов пронзил луч света, и сквозь гвалт богомерзких тварей Мелоун расслышал плеск весел. Вскоре на мутной поверхности озера появилась лодка с фонарем на носу, спешно пришвартовалась у массивного кольца, вделанного в осклизлый булыжник причала, и изрыгнула группу темнокожих людей, тащивших на плечах что-то тяжелое, завернутое в простыню. Они бросили это у подножия резного золотого пьедестала с голой фосфоресцирующей тварью, и та довольно захихикала и тронула простыню лапой. Тогда вновь прибывшие развернули простынь и поставили перед ней полуразложившийся труп толстого старика с щетинистой бородкой и всклокоченными седыми волосами. Фосфоресцирующая тварь издала еще один идиотский смешок, и тогда эти люди достали из карманов какие-то бутылки и, окропив ее ноги наполнявшей их красной жидкостью, передали их твари, чтобы она могла из них выпить.

Внезапно из одного из уходящих вдаль туннелей стали доноситься демонические звуки богохульного органа, играющего надтреснутым басом нечестивые пародии на гимны. Все вокруг тут же пришло в движение, словно подпитанное электричеством: козлы, сатиры, эгипяне, инкубы, суккубы, лемур, пародии на лягушек и бесформенные твари, ревущее чудовище с собачьей головой и еще одно, молчаливое, – все это кошмарное сборище выстроилось в своего рода процессию под предводительством отвратительной фосфоресцирующей твари, что прежде сидела, хихикая, на золотом троне, а теперь важно шествовала, держа в руках окоченевший труп дородного старика, в ту сторону, откуда доносились холодающие душу звуки. Странные темнокожие люди приплясывали в хвосте процессии, и вся колонна скакала и кривлялась в дионисийском исступлении. Мелоун сделал было несколько неуверенных шагов вслед за ними, не вполне сознавая, на каком он свете: на этом или на том. Затем он повернул в сторону и, дрожа и задыхаясь, повалился на мокрый холодный булыжник пристани; демонический орган продолжал хрипеть и квакать, а визг, вой и стук удаляющейся процессии становились тише.

До него приглушенно доносились обрывки непристойных песнопений и невнятное кваканье голосов. Время от времени вся компания принималась выть и стонать в богохульственном экстазе, но вскоре все эти звуки сменились мощным, исторгаемым из тысячи глоток речитативом, в котором Мелоун узнал греческое заклинание, записанное над кафедрой старой церкви, служащей танцевальным залом.

«О друг и товарищ ночи, ты, восторгающийся собачьим лаем (в этом месте сборище испустило мерзкий вой) и льющейся кровью (здесь последовали неподдающиеся

описанию звуки вперемешку с душераздирающими воплями), крадущийся в тени надгробий (глубокий свистящий выдох), забирающий кровь и приносящий смертным ужас (короткие сдавленные вопли, исходящие из неисчислимого множества глоток), Горго (повторенное эхом), Мормо (повторенное в исступлении экстаза), тысячеликая луна (вздохи и мелодия флейты), обрати благосклонный взгляд на наши скромные подношения!»

Когда заклинание завершилось, все разразились криками, почти заглушив надтреснутое кваканье басов органа. Затем из бесчисленных глоток собравшихся там вырвался вопль восхищенного изумления, после чего все они выкрикнули, пролаяли и проблеяли слова: «Лилит, Великая Лилит, сё твой Жених!» Снова раздались вопли и гулко отдающиеся в туннеле звуки влажных шлепков, как если бы кто-то бежал по нему босиком. Эти звуки явно приближались, и Мелоун приподнялся на локте, чтобы увидеть бегущего.

Мрак этого подземелья немного рассеялся, и в дьявольском свете исходившего от стен призрачного свечения глаза Мелоуна углядели силуэт бегущего по туннелю существа, которое по всем законам Божьим не могло ни бегать, ни чувствовать, ни дышать – полуразложившийся труп старика с остекленевшими глазами, не нуждающийся теперь в поддержке, оживленный дьявольским воздействием только что проведенного ритуала. За ним гналась голая фосфоресцирующая тварь, прежде сидевшая на резном пьедестале, за ней, тяжело дыша, едва поспевали смуглые люди с лодки, а за ними – вся остальная омерзительная компания. Труп пытался оторваться от своих преследователей, напрягая каждый прогнивший мускул, явно торопясь к резному золотому пьедесталу, обладавшему, очевидно, неудержимо влекущей магической силой. В следующий момент он достиг своей цели, при виде чего догоняющая его толпа взвыла и прибавила скорости. Но они опоздали, поскольку, собрав последние силы, труп того, кто был некогда Робертом Суидемом, мощным рывком, от которого некоторые сухожилия лопнули и некоторые части его тела студенистой массой упали на пол, одолел последние несколько метров, отделявшие его от пьедестала, и со всего размаха налетел на предмет, к которому стремился. От этого удара все тело честолобца лопнуло и обратилось в бесформенную массу, а сам пьедестал наклонился, побалансировал немного на краю пристани и соскользнул со своего ониксового основания в мутные воды озера; блеснув на прощание золотом, он отправился в немислимую бездну нижнего Тартара. В следующий момент все вокруг содрогнулось в громовом раскате, милосердная тьма сокрыла от взора Мелоуна уничтожение окружающей его вселенной, и он потерял сознание.

VII

Видение Мелоуна, не подозревавшего о смерти Суидема и передаче его тела странным морякам, имеет удивительные совпадения с обстоятельствами его смерти. Впрочем, это еще не значит, что его надо воспринимать всерьез. Во время этого рейда без всякой видимой причины обрушились три старых, давно прогнивших до основания дома на Паркер-Плейс, погребя под собой половину участвовавших в операции полицейских и большую часть задержанных. Спасти удалось лишь тем, кто в момент обрушения находился в подвале, и Мелоуну повезло оказаться в самом глубоком подземелье под домом Суидема. Никто не может отрицать, что он действительно был там. Его нашли в

состоянии глубокого обморока на берегу черного как деготь водоема рядом с разлагающейся массой плоти и костей, по работе дантиста опознанной как тело Роберта Суидема. С точки зрения властей все было очень просто: сюда вел подземный канал контрабандистов, которые остановили лайнер, забрали тело Суидема и доставили его домой. Правда, самих этих контрабандистов не нашли – во всяком случае, среди найденных тел похожих не оказалось; да и судовой врач не очень верит в это простое объяснение.

Судя по всему, Суидем возглавлял довольно разветвленную организацию контрабандистов, так как ведущий к его дому туннель был частью густой сети подземных каналов и туннелей, пронизывающей всю округу. Один из таких туннелей соединял его дом с огромным подземным залом под старой церковью, куда из последней можно было попасть лишь через узкий потайной проход, имевшийся в северной стене. В этом зале были найдены странные и весьма необычные предметы, в том числе расстроенный орган, длинные ряды скамеек и алтарь странной формы. Здесь также имелись тесные кельи, к которым вели очень узкие проходы, и в семнадцати из них были обнаружены скованные по рукам и ногам узники, пребывавшие в состоянии полного умопомрачения; среди них оказались четыре женщины с новорожденными младенцами странного вида. Все младенцы умерли вскоре после того, как их вынесли на свет, и врачи сочли это обстоятельство милосердным. Однако из видевших их никто, кроме Мелоуна, не вспомнил мрачный вопрос старика Дельрио: «An sint unquam daemones incubi et succubae, et an ex tali congressu proles nasci queat?»

Прежде чем засыпать подземные каналы, их осушили и тщательно обследовали дно. Было обнаружено огромное количество костных обломков различной величины. Стало очевидно, что именно отсюда исходила зловещая эпидемия похищений детей, будоражившая весь город; хотя только двое из выживших задержанных могли иметь к этому отношение. Сейчас они пребывают в тюрьме, поскольку не было найдено прямых доказательств их участия в убийствах. Резной золотой пьедестал или трон, представлявший собой, по словам Мелоуна, первостепенную важность для членов мерзкой секты убийц, найти так и не удалось. Правда, в одном месте под домом Суидема оказалась слишком глубокая впадина для осушения. Ее жерло закупорили и залили сверху бетоном, чтобы оно не мешало закладке фундаментов новых домов, но Мелоун иногда задумывается над тем, что же находится в ее глубине. Полиция, довольная тем, что удалось разгромить опасную банду религиозных маньяков и контрабандистов, передала федеральным властям тех курдов, что оказались непричастными к преступным деяниям, и при депортации их попутно выяснилось, что все они йезиды-дьяволопоклонники. Сухогруз и его смуглая команда так и остались неуловимой тайной, хотя циничные сыщики заверяют, что всегда готовы достойно встретить этих контрабандистов. Мелоун же полагает, что они тем самым демонстрируют ограниченность своего кругозора, не проявляя интереса к бесчисленному количеству необъяснимых улик под самым их носом и наводящим на размышления мрачным обстоятельствам этого дела; столь же критически он настроен и по отношению к газетам – они увидели в этом деле только сенсацию и смаковали подробности мелкого садистского культа, тогда как могли бы обратить внимание публики на кошмар, поражающий сердце вселенной. Но он смирился со спокойным отдыхом в Чепачете,

успокаивающим расшатанную нервную систему, и надеялся, что со временем это вытеснится из случившегося в реальной жизни в область причудливого, невероятного вымысла.

Роберт Суидем покоится рядом со своей невестой на Гринвудском кладбище. Его останки зарыли в землю без обычной для таких случаев церемонии, а родственники молодоженов рады тому, что это происшествие постигло быстрое забвение. Причастность пожилого ученого к кошмарным убийствам не была доказана юридически: его смерть опередила расследование, которого, в противном случае, было бы не избежать. О кончине его в газетах почти не упоминалось, и родственники его надеются, что последующие поколения будут помнить о нем лишь как о тихом затворнике, баловавшемся безобидной магией и фольклором.

Что же касается самого Ред-Хука, то он несколько не изменился. Суидем пришел и ушел; ужас сгустился и развеялся; но зловещий дух нищеты и убожества по-прежнему живет среди скопищ старых кирпичных домов, а группки молодых подонков все так же снуют под окнами, в которых время от времени внезапно появляются и исчезают странный свет и искаженные страхом лица. Сохраняющийся века ужас неистребим, как тысячеголовая гидра, а темные культы берут свои истоки в безднах святотатства, которые поглубже демокритова колодца. Дух зверя вездесущ и всегда побеждает, а потому горланящие и сыплющие ругательствами группки молодых людей с обезображенными оспинами лицами будут продолжать появляться в Ред-Хуке, ибо они движутся от бездны к бездне, не ведая, куда идут и откуда, движимые слепыми законами биологии, которых, вероятно, никогда не постигнут. Как и прежде, сегодня далеко не все, попадающие в Ред-Хук, возвращаются обратно по суше, и уже ходят слухи о новых подземных каналах, прорытых для контрабанды спиртного и для кое-чего другого, о чем лучше умолчать.

Старая церковь, иногда служившая танцевальным залом, теперь просто танцевальный зал, но по ночам за ее окнами иногда мелькают странные лица. Недавно полиция заподозрила, что засыпанный подземный зал раскопан и снова используется для неведомых целей. Но кто мы такие, чтобы сражаться со злом, более древним, чем само человечество? Обезьяны в Азии совершали ритуалы, чтобы умиловить его, и оно проявляется, подобно раковой опухоли, везде, где в кирпичных домах заводится сырость.

Мелонун вздрагивает от страха вовсе не без причины: на днях один из патрульных полицейских слышал, как в подворотне смуглая косоглазая ведьма учила девочку какому-то распеву на своем наречии. Ему показалось странным, что они повторяли много раз одно и то же: «О друг и товарищ ночи, ты, восторгающийся собачьим лаем и льющейся кровью, крадущийся в тени надгробий, забирающий кровь и приносящий смертным ужас, Горго, Мормо, тысячеликая луна, обрати благосклонный взгляд на наши скромные подношения!»

Перевод: Юрий Соколов

2016 год